

Литература:

Ануфриев А.Е. Утопия и антиутопия в русской прозе первой трети XX века: эволюция, поэтика: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2002. С. 50.

Денисова Т.Н. Историзм и антиутопия // История зарубежной литературы XX века / Под ред. Л.Г. Михайловой и Я.Н. Засурского. М.: ТК Велби. 2003. С. 134.

Каракан Т.А. О жанровой природе утопии и антиутопии // Проблемы исторической поэтики. – Петрозаводск, 1992. Вып. 2. С. 159.

Софронова Л.А. Об утопии и утопическом // Утопия и утопическое в славянском мире: сб. ст. Отв. Ред. Л.А. Софронова и Н.М. Куренная; Ин-т славяноведения РАН. М.: Издатель Степаненко, 2002. С.10.

Файзрахманова А.А. Типология жанра литературной утопии. // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 13 (194). Филология. Искусствоведение. Вып. 43. С. 136-145.

Чернышева Т. О художественной форме утопии // Поэтика русской советской прозы. Иркутск, 1975. С. 24.

Чернышева Т. Природа фантастики. Иркутск, 1984. С. 311.

Шадурский М.И. Литературная утопия: к вопросу о теории жанра. // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. Материалы Пятых Андреевских чтений. / Под ред. Н.Н. Андреевой, Н.А. Литвиненко и Н.Т. Пахсарьян. М., 2007. С. 30-37.

Яновский В.С. По ту сторону времени. – Собр. соч.: в 2 т. – М.: Изд-во «Гудъял-Пресс», 2000. Т. 2. 496 с.

Gerber R. Utopian Fantasy: A Study of English Utopian Fiction since the End of the 19th Century. New York: McGraw-Hill, 1973. P. 121.

Кучумова Р.Г. (Екатеринбург)

Жанровые и сюжетные интертекстуальные взаимодействия произведений М.Веллера и Н.Гоголя

Понятие «интертекстуальность»- одно из основных в современном литературоведении. Читая произведения, написанные в последние два десятилетия, мы узнаем коды, сюжеты, фрагменты, героев, проблематику, с которыми уже встречались прежде. Сегодня актуально говорить об интертекстуальном анализе произведений, опираясь на сопоставление текстов. Р. Барт писал: «Каждый текст является интертекстом; Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат». [Хализев]

Ярким примером интертекстуальности являются тексты М. Веллера. Останомимся на «Легендах Невского проспекта», вышедших в 1994 году в Эстонии. Предмет нашего исследования - рассказ М.Веллера «Ревизор».

Н.Гоголь обратился к жанру комедии, предполагающей сатирический, обличительный пафос, решив собрать в «Ревизоре» «все дурное

в России». И действительно, в пьесе драматург изобразил все пороки русской провинциальной жизни, но она оказалась так мастерски показана, что даже император признавался: «Ну, пьеска! Всем досталось, а мне - более всех!». Однако премьерой Гоголь был недоволен: фарсовый характер спектакля, желание рассмешить публику - это не входило в его замысел. Идея пьесы ярко прослеживается в теме возмездия за пороки, что видно в эпиграфе «на зеркало неча пенять, коли рожа крива» и в последней реплике городничего: «Чему смеетесь? Над собой смеетесь». Гоголь хотел придать комедии «общественный характер, желал соединить в пьесе комедию и трагедию, поэтому и любовный конфликт у него на втором плане, а на первом - общественные проблемы»: прежде всего сатира на российскую действительность, воплощающаяся в городе – символе N. [Воропаева, 2010: 3-4]

Михаил Веллер отказывается от драматургического рода литературы и обращается к легенде. Почему? Во-первых, Михаил Веллер (р. 1948) сменил в своей жизни около двадцати профессий. До того, как он обрел статус известного писателя и эмигранта, провел большую часть своей жизни ленинградцем по месту жительства и люмпен-интеллигентом по социальному положению. Место и образ жизни определили жанр этой книги - «Легенды Невского проспекта». В основе «Легенд» лежат байки и анекдоты, которые передавались изустно в Ленинграде 70-х.

Анекдот – это комический рассказ, злободневная миниатюра, фривольная притча с неожиданной концовкой. Анекдот парадоксален уже по своей природе, здесь многое построено на нарушении логики, когда одно подменяется другим, царит нелепича, а действия происходят несобственно логическому ходу событий. Кроме того, перед нами не просто легенда, а легенда Невского проспекта. «Невский, естественно имеет собственный язык, собственный закон, собственную историю, ...собственных подданных и собственный фольклор, как и подобает, разумеется, всякой мало-мальски приличной стране. Фольклор сей, как и всякий, хранится старожилками и шлифуется остроумцами, метит в канон и осыпается в Лету. Как и всякий, случается он затейлив, циничен, сентиментальный и смешной», - пишет в предисловии к сборнику «Легенды Невского проспекта» М. Веллер.

У М. Веллера легенда не фольклорный, а литературный жанр. Сюжет «Ревизора» отсылает нас к известному произведению Н.В.Гоголя с одноименным названием. Сюжет рассказа Веллера интертекстуален: в пьесе мы узнаем о приезде Ревизора из некоего предписания, которое получает городничий, а у Веллера обычный звонок в психдиспансер с сообщением: у вас будет инспекция. В городе это привело к страху, а в дурдоме всего лишь к переполоху. Но действия властей одинаковы: в больницах просят сменить простыни, колпаки на больных, чтобы «на кузнецов не походили», но вот в дурдоме это не так-то просто сделать: все старое списано, а нового не хватает, простыни разорваны и фигурируют сразу за две. А стирать нечем: порошок

куда-то пропал. И запах в больнице и дурдоме весьма неприятный: в пьесе читаем, что больные табак курят, а в дурдоме весьма иронично звучит вопрос: «А почему у хроников плохо пахнет? А чему ж там пахнуть розам?»

Кем оказывается Ревизор в пьесе? Чиновником самого низшего класса- Хлестаковым, который сам себя разоблачил в письме, но избегает наказания. Наказаны чиновники за свою безответственность, взяточничество, лицемерие. А кем оказался инспектор? Самым обычным психом, который «придумал способ, как жить». Пьеса Гоголя наполнена общественной сатирой, заставляющей задуматься над устройством общества, над собственными пороками, а легенда Веллера напоминает анекдот, вызывающий на первый взгляд только смех, то есть как раз то, чего так старался избегать Гоголь в своем произведении. Тексту Веллера свойственны ироничность, юмор: инспектор, карающий меч закона о здравоохранении, отчеты просматривает, пищеблок проверяет, бездушно требует накладные, составляет акт о недостатке, лезет дальше и глубже, сестру-хозяйку трясет вопросами. Начальство в ответ клянет вороватых и прожорливых психом. Инспектор характеризуется эпитетом «несгибаемый», и вот читатель уже ждет заслуженного наказания работников психиатрической больницы за халатность, равнодушие, воровство, но вступают жанровые традиции анекдота: вместо наказания следует противное всей логике- докторам удается договориться с инспектором, прибегая к обычному испытанному варианту: время, значит, уже обеденное, не угодно ли перекусить. Садятся с ними в казенную машину и везут в лучший ресторан, заказывают все лучшее.И вновь парадокс: после обеда «зараза-инспектор со свежими силами продолжает лезть во все дыры»: его интересует и запах у хроников (иронично звучат авторские слова: « а чему там пахнуть-розам?..»), читает истории болезней, один на один беседует с больным, все «сволочь» записывает себе в журнал. И вновь авторская ирония: «А псих- он летопись бед надиктует!» Если Гоголь, желая разоблачить чиновников- взяточников, заставил их " сунуть" Хлестакову деньги, то герои Веллера заявляют прямо: «Он что не понимает, или мир хочет перевернуть?», тем самым обнажая проблему всеобщего воровства, нежелания выносить сор из избы. Главное – сохранить показатели по области. Никакого страха нет, работникам просто непонятно, почему инспектор так себя ведет, и вновь всех выручает взятка. Хлестаков ограничился подарками чиновников города N, а инспектор, «службу понял туго», поэтому в короткий срок обзавелся не только костюмом, но и квартирой, сократил процедуру досмотра, а вот таксу за сговорчивость повысил. В сюжете пьесы: « фитюльку» чиновники города N приняли за ревизора, хотели его обмануть, а оказались сами обманутыми, желали скрыть пороки, а оказались обличены. У Гоголя финал открытый, мы можем только предполагать, что последует после немой сцены, которая случилась сразу, как только полицейский сообщает, что приехал ревизор. Гоголь придавал исключительное значение немой

сцене, считая, что она должна длиться до 1,5-х минут, каждый из персонажей всей фигурой как бы показывает, что он уже ничего не может изменить в своей судьбе, шевельнуть хотя бы пальцем, - он перед Судией. По замыслу Гоголя, в этот момент в зале должна наступить тишина всеобщего размышления.

У Веллера нет немой сцены, потому что в дурдоме инспектора узнает один из психов:

- А, Витька, здорово! Отлично выглядишь! Что, опять залетел - обострение?

Инспектор говорит: позвольте... Врачи, естественно, насторожились, а большой щебечет: «Так это ж Витька, мы с ним вместе на Пряжке лежали!»

Инспектор возмущается и хочет сбежать, его задерживают и тут открывается правда - он бывший псих.

Веллер заимствует сюжет, перенося действие в 20-й век, но доводит ситуацию до абсурда: только псих может заметить все те недостатки, которые мешают нормальной работе: «Вполне толковые у того психа замечания были». И не над своими пороками размышляют врачи, а что психа проглядели, документы не сообразили попросить посмотреть, «одним словом, это было позорище, что областная конференция держалась за голову и лежала вповалку». В Послесловии к рассказам Веллер пишет: «Мы жили в особом измерении, скривленном пространстве», но это пространство создавали люди, так что верна пословица: «неча на зеркало пенять, коли рожа крива» [Веллер 1994: 251]. Это значит, что сквозь юмор Веллер заставляет нас задуматься о том, насколько живы пороки, описанные Гоголем.

Литература:

Хализев В.Е. Теория литературы. // Электронный ресурс: <http://www.textologia.ru/literature/teoria-literatury/neavtorskoe-slovo/intertekstualnost/392/?q=471&n=392>

Веллер М. Легенды Невского проспекта. СПб.: Лань, 1994

Воропаева В.А. Над чем смеялся Гоголь. О духовном смысле комедии «Ревизор» // Электронный ресурс: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37074.php>